ПОЛІС

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Д. В. Козлов

«Нецивильное» гражданское общество или о том, как поссорились защитники Байкала с «Транснефтью»

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kozlov_2007_4.pdf

URL:http://www.civisbook.ru

"НЕЦИВИЛЬНОЕ" ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЛИ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛИСЬ ЗАЩИТНИКИ БАЙКАЛА С "ТРАНСНЕФТЬЮ"

Д.В.Козлов

Экологическое движение, его идеология, социальный состав, формат взаимодействия с бизнесом, властью и общественностью тесно вплетены в современный общероссийский политический контекст. На разных этапах советского и постсоветского развития Иркутской области экологическая проблематика достаточно часто привлекала к себе внимание общественности. Данная статья анализирует политические изменения в Байкальском регионе, связанные со всплеском массового регионального экологического движения в четких временных рамках 2006 г.

Особенность Иркутской области - с точки зрения исследования процессов становления гражданского общества в постсоветской России — определяется, с одной стороны, огромным разнообразием ее культурно-исторического капитала*, а с другой — ее центральным положением в Прибайкалье, ключевым в освоении его нефтегазовых и лесных ресурсов, развитии золотодобычи, гидроэнергетики, химической и алюминиевой промышленности.

Область стала местом столкновения разнообразных бизнес-интересов, что обусловило как неоднородность региональной элиты, так и разнообразие каналов влияния властных и бизнес-структур федерального уровня. Следует упомянуть и о прямой заинтересованности в освоении региона естественными монополиями (практикующими различные подходы во взаимоотношениях с регионом — от прямого давления до вхождения в региональную власть), и участие ФПГ (финансово-промышленных групп) в освоении региональных ресурсов (с вовлечением региональной власти в качестве небеспристрастного арбитра в процессе столкновения корпоративных интересов)**.

Мощное региональное экологическое движение имеет еще советские корни и активно проявило себя в качестве фактора политики в период перестройки и гласности. В последующий период прежние, существовавшие с советских времен социальные взаимосвязи размываются, сменяясь новым качественным состоянием общества, синтезирующим советское наследие с новыми реалиями, становлением "общества клик", "общества песочных часов" [Роуз 1998; Хлопин 2002: 211-251].

КОЗЛОВ Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета.

* Иркутск является одним из городов первой волны освоения Сибири Россией. В его историко-культурном багаже декабристский миф, традиции сибирского областничества, торгово-купеческого освоения Забайкалья, опыт гражданской войны и советской модернизации Сибири, Тайшетлага и Братской ГЭС.

** Ранее автор уже давал описание порождаемых такого рода процессами противоречий в политической жизни Иркутской области (противостояние губернатора и Законодательного собрания) [см. Козлов 2000: 169-195]. Методологические принципы их исследования сформулированы В.Гельманом [Гельман 2000: 331—375].

Современный региональный режим, сложившийся в период правления В. Путина, характеризуется рядом новых особенностей. Некоторые из них стали очевидны по мере возникновения потребности в строительстве нефтяного трубопровода "Восточная Сибирь — Тихий океан" (ВСТО). Замечу, что сами споры вокруг "трубы" совпали с важными изменениями в региональном политическом дизайне. Появился первый назначенный иркутский губернатор - А.Тишанин. Другим важным моментом стал процесс подготовки к референдуму об объединении Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Этот региональный сюжет, сам по себе весьма занимательный, в данном случае интересен с точки зрения приданной ему формы — референдума, благодаря чему рассмотрение проблем прокладки нефтепровода оказалось в одной связке с обсуждением и принятием решения по объединению. Избранный властью способ собственной легитимации не исключал, а скорее индуцировал неформальное, активное обсуждение данного вопроса, не поддающееся управлению методами политтехнологии. Спонтанный характер дискуссии по двум этим вопросам: о пути прохождения трубопровода и об объединении двух субъектов РФ — породил своего рода синэргетический эффект. Предпосылкой этого стал рост массовой активности в период изменения регионального политического режима, инициированного федеральной властью. Именно властью был задан режим рассмотрения объединения региона через референдум, что предполагало процедуру всеобщего обсуждения. Безусловно, планировалась очевидная манипуляция с заранее известным исходом, однако важным фактором, обусловившим произошедшее, явилось наличие четкой регио- нальной идентичности (связанное с огромным ресурсом культурного капитала региона), а также традиция массового экологического движения: сама тема защиты Байкала и экологии региона в целом стала рассматриваться как вариант конкретного воплощения демократической идеи "общей воли".

В возникшей дискуссии по поводу переноса трассы трубопровода четко обозначились две позиции. "Транснефть" устами своего президента С. Вайнштока (в интервью "Российской газете") развивала тему выверенного экспертного решения — решения обоснованного, технически грамотного, соответствующего закону. В одном из интервью олигарх Вайншток привлек даже на свою сторону авторитет советского прошлого (проект нефтепровода разрабатывался одновременно с проектом БАМа, но в то время не был реализован). По его словам, "Транснефть" выступает продолжателем дела славных советских пятилеток. В данном случае "советское" выступало как бренд. К этому бренду был добавлен традиционный технократический слоган: "дайте заниматься делом" В целом на всем протяжении дискуссии позиция "Транснефти" соответствовала "глухой обороне": мол, все уже решено, никакое обсуждение не имеет смысла, все эти споры - не та площадка, на которой принимаются решения такого уровня.

Альтернативная позиция была связана с быстро набиравшим размах экологическим движением. Столь массовое движение появилось впервые за пятнадцать лет, но следует иметь в виду, что на протяжении всех этих лет в регионе не прекращали работу различные экологические организации (самая знаменитая из них — Байкальская экологическая волна). Причем их

деятельность развивалась на фоне мощной мифологии Байкала как важнейшего элемента региональной идентичности. Само экологическое движение развивалось в нескольких измерениях. Одно из них в очень сильной степени задействовало Интернет, в частности раскрученный региональный сайт www.babr.ru. На сайте была объявлена кампания сбора подписей за прекращение строительства нефтепровода в опасной близости от Байкала, выложены листовки для агитационной кампании по запрещению строительства нефтепровода. Сам сайт превратился в виртуальную площадку формирования и развития экологического движения. Помимо Интернета, огромную роль играли подготовка митингов протеста против строительства. Не менее важной площадкой формирования регионального общественного мнения являлись сами митинги (число участников доходило до нескольких тысяч).

Судя по статистике сайта, можно утверждать, что данное экологическое движение имело ярко выраженный "городской" характер, причем речь шла прежде всего о крупнейших мегаполисах и региональных центрах страны; о Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске, Новосибирске, Красноярске, Томске, Владивостоке, Екатеринбурге, Хабаровске, Улан-Удэ. Центром движения являлся Иркутск, но оно охватывало и другие крупные города области: Ангарск, Братск, Шелехов. Огромную роль играли представители молодежи и студенчества, а также бизнесмены, инженеры, программисты, журналисты, менеджеры, писатели и пр. Заметны были и традиционно активные постсоветские пенсионеры.

Движение характеризовалось такими качествами, как стихийный демократизм, идеализм, аполитичность. Речь шла, во-первых, об отсутствии четко выраженного лидера и о своего рода "коллективном разуме", руководящем движением (возможно, впрочем, что процесс оформления лидерства еще только начинается). Во-вторых, цели движения, связанные с защитой Байкала как общего достояния, выглядели весьма идеализированно, романтически. И в-третьих, с точки зрения регионального политического расклада, ни одна из политических партий не выступила с осуждением движения, и все, начиная с "Единой России" и заканчивая национал-большевиками, заявляли о необходимости приостановки строительства трубопровода, изменен™ его маршрута. "Байкальское движение" поддержали люди самых разных политических взглядов, представители академической и вузовской науки, художественной интеллигенции. Региональная власть устами губернатора, председателя Законодательного собрания, депутатов разных уровней заявила о недостаточно проработанном плане строительства нефтепровода, все региональные власти предпочли дистанцироваться от политики "Транснефти" (однако, по мнению активистов движения, недостаточно последовательно и продуманно).

Вместе с тем, аполитичным движение было лишь "на поверхности". Рассмотрение Байкала как общего достояния, безусловно, снимало многие политические разногласия (идея "общего блага"). Но сам экологический дискурс не укладывается в традиционные схемы XIX—XX вв. Скорее, он соответствовал идеологии "общества риска", смысл которой с трудом отчуждается классическими идеологиями, выстраиваемыми по разным смысловым осям [Луман 1991: 208, 213]. Показателен факт полного идейного смешения всего со всем, обнаруживаемый при анализе конкретных аргументов сторонников переноса строительства трубопровода ВСТО.

Например, с точки зрения одного из крайне политизированных сторонников такого переноса (далее цитирую высказывания, размещенные на соответствующем форуме www.babr.ru), "байкальская нефтяная *'труба'есть* закономерный и предсказуемый шаг в реализуемой Кремлем геополитической доктрине истребления "лишнего" населения России, с его, Кремля, экономической точки зрения".

Но не все еще потеряно: "И все же, столь желанный Кремлю бешеный темп замены коренного российского населения китайскими гастарбайтерами в Приморье и Хабаровском крае пока что резко падает при приближении к Иркутску. Животворная сила чистой воды и красоты Байкала продолжает питать физические и духовные силы людей, удерживая возле него непомерно большие, по кремлевским меркам, массы коренного населения, и тем самым ломает расчеты Кремля на скорейшую 'кувейтизацию' ограниченной западной части Страны".

Поэтому у сибиряков — собственная гордость: "Мы с Вами, уважаемые Сибиряки, были уже заранее вычеркнуты Москвой из списка россиян, достойных 'кувейтских' благ. Но даже само наше существование здесь не позволяет кое-кому ощутить себя полноценным шейхом. Мы здесь не выгодны Москве и должны быть заменены имеющимися рядом в избытке желтолицыми соседями, привыкшими пить без фильтров мутные воды Янцзы, не требующими ни социального, ни медицинского, ни пенсионного, ни прочего обеспечения, готовыми работать за гроши".

Еще один характерный пример сибирского "отстранения" от Москвы: "Это *мы* здесь живем, отдыхаем на Малом море, пьем чистую Байкальскую воду и хотим, чтобы наши дети и внуки здесь тоже жили и отдыхали. А *они* в Москве никогда здесь не жили, не были и не будут, им эти проблемы с загрязнением Байкала, как и загрязнением космоса искусственными спутниками, далеки и неинтересны... Поэтому спасти уникальный Байкал, спасти нашу жизнь можем только *мы,* вместе, жители Прибайкалья и Забайкалья. Каждый из нас должен выступить против строительства нефтепровода вблизи Байкала. И единственный шанс привлечь внимание к нашей позиции — это голосовать *против* объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа".

Интересно, что в последнем случае дискуссия о маршруте "трубы" напрямую связывается с референдумом об объединении области и автономного округа. Само объединение рассматривается как проблема власти и как основа для торга с властью. Идея противостояния частному капиталистическому бизнесу ярко проявляется в следующем высказывании: "'Транснефть' - *частная* компания... Почему она покушается на народное достояние?" А взаимодействие Москвы и регионов рассматривается лишь в логике паразитирования Центра на региональных ресурсах: "Москва, как гигантский спрут, всегда питалась соками от окружающих ее территорий, протягивая свои щупальца все дальше на восток по мере роста аппетитов и количества населяющих ее чиновников той или иной эпохи".

"Транснефть" при этом обвинялась в некачественном менеджменте старого, советского типа, в непрозрачности, в попытке нещадной эксплуатации природных богатств и практике расправ с протестующим населением по примеру властей Нигерии. Тем не менее, сами участники движения (как, впрочем, и "Транснефть") ожидали решения со стороны Центра. При этом отсутствие реакции интерпретировалось участниками движения как повод для перехода к более решительным действиям: "Федеральный центр, равно как и Транснефть', хранят гробовое молчание в ответ на выступления иркутян.

Подобное молчание в случае, если оно затянется, может вызвать гораздо более решительные действия населения, чем мирная демонстрация".

В митинге участники движения ясно усматривали элементы прямой демократии: "...шествие — это правильно. Когда стоишь и слушаешь, как кто-то что-то говорит, это не то, а вот самому идти — это уже действие... В общем — было неплохо, но митинги нам еще учиться и учиться делать. Чтоб получилась в финале единая атмосфера, чтоб они действительно объединяли людей, а не просто подтверждали телезрителям в выпуске новостей, что "пришло столько-то тысяч". Ну что ж, есть люди, есть желание, есть идеи. Теперь бы всю эту энергию сохранить, поддержать, направить в нужное русло — и будет победа".

"И еще одно наблюдение: несмотря на то что добрую половину собравшихся составляли студенты и школяры, *пива не пили!*— а это о чем-то, да говорит".

Наряду с этим, участникам движения свойственны и определенное мифотворчество, и увлечение "теорией заговора": "Нет, ребята, эта *'труба'* придумана явно для чего-то другого... Для отмывки денег, для воровства денег инвесторов и стройматериалов, для бесконтрольной вырубки леса, наконец, просто чтобы стать собственником земли, отчужденной под нефтепровод и насосные станции. Готовится не просто преступление против Байкала и пьющего из него воду населения целого края, но масштабная финансово-строительная афера".

Другой пример демонстрирует яркое смешение политической критики правительственных реформ, религиозной мистики, поисков национальных корней, критики официальной церкви, псевдобиблейской герменевтики, призывов к активной гражданской позиции, бережному отношению к природе и пр.: "Начиная с Горбачева, Правительство страны не работает в интересах страны. Ельцин воспроизвел кровавое воскресенье, расстреливая Парламент. Путин держит народ в параличе иллюзии 'своего парня', 'христианина'... лишает народ необходимых жизненных условий... Но Народ, встанет ли он на защиту своих интересов?! Есть ли в России настоящие мужчины, способные взять в умелые руки руль, и женщины, смелые, несогласные больше терпеть принуждаемую бедность, когда есть еще возможность жить в изобилии всего и не бояться за своих детей! Россияне, надо сорганизоваться уже не только за Байкал, но за спасение всей страны от хищничества, сохранить все, что еще осталось, восстановить то, что испорчено, и строить нашу жизнь своими руками. Попросим Бога, чтобы Он нас вразумил, Он на стороне народа, а не на стороне разрушителей его творений... Иисус Христос жив, и Он с нами... Мир сейчас в хаосе, только с Божьей помощью можно его исправить. Радостной Пасхи всем, Иисус действительно воскрес", — чем не новая "теология освобождения" на российский манер!

Очевидные попытки воспользоваться возможностью шантажа власти, ввиду ее заинтересованности в итогах референдума об объединении субъектов РФ, закономерно приводили к слиянию в общей повестке дня протестующих "святого и народного" (Байкал) с "корыстным и беспринципным" (административные технологии объединения): "В совершенно ненормальной ситуации, когда президент фактически защищает негуманное, неэкологичное, незаконное решение 'Транснефти', власти оказываются на распутье между долгом человека и долгом должности, которую этот человек занимает. Будучи, безусловно, всей душой за Байкал, власти в то же время не могут допустить расшатывания ситуации и будут блокировать ее тем или иным образом, в силу уровня собственной некомпетентности и трусости — лучше или хуже".

Вместе с тем, ситуация рождала и по-настоящему бескомпромиссные политические манифесты: "Извини, но молчать надоело. И ждать очередную пакость

тоже надоело... Я свободный человек и хочу жить, как Я хочу... хочу пить чистую воду, а не смесь углеводородов. Я готов с оружием встать и защищать то, что мне дорого. Не только для себя, но и для своей дочки. Нам объявили информационную войну? Ну что ж, в эту игру можно играть с обеих сторон. Они врут с экранов ТВ, со своей стороны я постараюсь заблокировать их сайт и забить их каналы связи. Объявят реальную войну, встану с оружием. Я *не* хочу жить в *такой* России — если единственный путь — отделение Сибири, я всеми руками *заШ ЕСЛИ* есть другой путь, который даст те же результаты, — тем лучше, буду только рад. Выхода нет, или мы им докажем, что чего-то стоим и с нами надо считаться, или прав был умник, сказавший, что население тут — молекула/100 км. Кто считает себя молекулой (безмолвным бараном) — милости просим в стойло — остальные отстоят свои права".

Или другой пример леворадикального манифеста: "Создана не либеральная, а *беспрецедентно* тотальная *воровская* (в самом прямом смысле этого слова) система, которая позволила небольшой группе людей украсть то, что было создано нашими отцами и дедами, и теперь делает все, чтобы отнять еще оставшееся не разворованным природное богатство — уже у наших внуков и правнуков. И именно эта воровская система, а не гипотетический либеральный режим Касьянова... представляет угрозу для жизни сотни миллионов..."

Впрочем, наблюдались и попытки относительно конструктивных размышлений об общей стратегии действий участников движения: '"Байкальское движение', заявленное как абсолютно аполитичное, вполне может столкнуться с тем, что традиционные методы борьбы за экологическую чистоту Байкала будут исчерпаны. В этом случае движению придется выдвигать политические лозунги — вернее, как показывает прошедший митинг, ему придется попросту согласиться с лозунгами, предложенными народом. Учитывая состав оргкомитета 'Байкальского движения', который состоит как минимум на треть из сепаратистов, это может сделать ситуацию крайне интересной".

Как можно видеть, в различных выступлениях в защиту Байкала переплетались совершенно разные темы, часто прямо противоположные. Очень четко звучала тема локализма, патриотизма по отношению к конкретному месту, в котором - и это главное — сосредоточен весь мир (ведь Байкал - всемирное достояние). Продолжал развиваться миф Байкала, иногда выводимый даже на религиозный уровень своего рода неоязычества. Попадались элементы идеологических построений, связанных с "желтой опасностью", воровским режимом, с левой идеей "продолжения развала страны". Очень часто встречалась идеология "антикапитализма" (многочисленные высказывания о проклятых московских "манагерах"*); критиковался экспортно-сырьевой характер экономики страны. Распространенным являлось настороженное и часто враждебное отношение к "проклятой Москве и москалям". В последнем случае получала дополнительное развитие идея отделения, которую, по мнению ее адептов, поддерживало большинство сибиряков. Само массовое движение зачастую рассматривалось как аргумент в ее поддержку. В последнем примере очевидны возможности манипулирования массовым движением со стороны разных групп ангажированных активистов.

В процитированном выше религиозном примере, где смешались Горбачев, Христос, праздник Пасхи, Байкал и т.д., ярко прослеживалась еще одна возможная интерпретация идеологии движения — с помощью идеи бриколажа, когда в одну конструкцию сводятся всё и вся (подобно картинке, возника-

* Молодежный сленг: менеджеры.

ющей и пропадающей при каждом новом повороте калейдоскопа). Главное - это силовые линии, задающие формат рисунка, его мобилизационное измерение, связанное с очевидной для всех идеей — "спасем Байкал!". Очень отчетливо в экологическом движении проявилась идея единства народа ("пока мы едины, мы непобедимы"). Естественно, если есть Народ, то есть и противостоящая ему Власть, коррумпированная, некомпетентная, циничная, корыстная, не способная ни на что, кроме очередного обмана этого Народа*.

По отношению к региональным властям осторожная критика сочеталась с не менее осторожным шантажом по поводу референдума об объединении - если не повернут нефтепровод, объединению не быть. Движение в своем развитии использовало различные элементы демократии участия — митинги, виртуальные дискуссионные площадки, агитацию, листовки, граффити. Развивались идеи преемственности последовательных этапов движения, постоянно упоминалось о необходимости активных действий, мобилизующих акций, регулярно воспроизводился "вечный" вопрос русской жизни — "что делать?".

Само движение постоянно стремилось очертить свои границы, задать четкие правила идентификации, в том числе и по принципу "свои - чужие". Была даже сделана попытка учредить так наз. Орден Иуды, виртуально вручаемый "предателям Байкала" и предназначаемый журналистам и органам СМИ за статьи, выражающие поддержку первоначально предложенному маршруту нефтепровода, а также предпринимателям — за отказ размещать афиши в поддержку Байкала, государственным чиновникам и депутатам, выступавшим (по мнению "награждающих") за нефтепровод.

Постепенно экологическое движение принимало формы горизонтальной ассоциации (о различных типах ассоциаций см. [Coleman 1988: 95-120; Патнэм 1996]), ориентированной на идею "общего блага", устойчиво воспроизводящей себя, обладающей развитой внутренней, групповой идентичностью и четкими границами. Если рассматривать этот феномен с позиции гражданственности, очевидно становление культуры солидарности, связанной с локальным, региональным патриотизмом и идеей активного гражданского действия. Но при этом нельзя обнаружить даже следов толерантности и "цивильности", составляющих пассивное измерение гражданственности**. Есть социальный капитал, есть традиция его актуализации, влияющая на развитие гражданского активизма. Но доверие, циркулирующее в группе, имеет ограниченный радиус распространения***. Никакого диалога с бизнесом и властью в данном случае не возникает. Власть виновна по

* В данном случае отчетливо (на уровне ценностных установок) проявляется характерная для традиционного общества дихотомия "власть — народ" [см. Поляков 2004: 31]. Это традиционалистское понимание власти как "вещи для себя" в современном российском обществе только усиливается.

** В данном случае автор отталкивается от типологии гражданственности П.Моритсена [Mouritsen 2003: 650-668].

*** О радиусе доверия как индикаторе распространения социального капитала см. [Фукуяма 2004: 129—148]. Анализ феномена доверия в приложении к российскому обществу см. [Олейник 2001]. В монографии А.Олейника особенно показательны первая, носящая методологический характер, и третья главы ("Природа малого общества" и "Попытка обобщения: 'разорванное общество"' соответственно), содержащие конкретное описание различных техник социального общения в советском и постсоветском обществах.

определению. Бизнес - это слуга власти (или наоборот, что в данном случае не важно). Но и сам бизнес тоже не вступает ни в какой диалог с активистами движения, он ставит под сомнение саму легитимность движения, ведь все правовые согласования с властью бизнес провел. Общественное движение и бизнес представляют в этом случае как бы два фрагмента, не связанных ничем, вращающихся вокруг собственных осей в безвоздушном пространстве постсоветского "социума". Более того, если сравнивать их дискурсы, то очевидным повторяющимся моментом будет теория заговора. По мнению "Транснефти" и Вайнштока — в него вступили таинственные "международные силы", пытающиеся изменить маршрут. По мнению движения - Кремль, Москва пытаются обмануть Народ. В обоих случаях велика тяга к советскому наследию. Но и она не является объединяющей. В логике фрагментированного общества главным виновником всего, что бы ни случилось, является государство, но оно же является главным и единственным арбитром. В нашем случае — это президент Путин. Создалась ситуация востребованности универсального арбитра. И арбитр не замедлил явить себя.

26 апреля 2006 г. в Томске на совещании президента России с главами сибирских регионов С.Вайншток выступил с заявлением о том, что экологические риски при прокладывании трубопровода ВСТО практически сведены к нулю и загрязнение озера Байкал в результате функционирования трубопровода абсолютно исключено. Но президент России В.Путин не разделил оптимизма высокопоставленных руководителей. Он согласился с мнением вице-президента РАН Н.Лаверова, который предложил перенести трубу севернее - за пределы водозаборной и сейсмической зоны. В ответном слове В.Путин спросил у С.Вайнштока, есть ли возможность провести нефтепровод севернее. Видя неуверенную реакцию Вайнштока, президент заметил: "Видимо, есть", — подошел к карте Байкала и нарисовал три стрелочки. По его словам, нефтепровод должен, как и планируется сейчас, идти к Байкалу до определенной точки, а затем уходить в сторону — севернее. "Нужно учесть мнение общественности", — резюмировал президент и поручил Вайнштоку проработать новый проект. В результате Восточный трубопровод на участке вблизи Северного Байкала сместился более чем на 40 километров на север, за пределы водозаборной зоны. Власть в очередной раз проявила себя в качестве главного и единственного арбитра в стране. При этом общественность, опять же в очередной раз, наблюдала традиционное символическое нанесение стрелок на карту (такие жесты часто встречаются в российской истории — и во времена царизма, и в сталинский период, и теперь). Сама возможность такого ритуального, показательного президентского жеста вписана в логику осуществляемого им арбитража, его незаменимости в этом качестве в глазах и общественности, и бизнеса.

В этой ситуации тщетными оказывались любые призывы к бдительности: *"Нерасслабляться. PR. КГБ. Обман. Весь в белом!"*Логика "будьте бдительны!" сразу теряла свою мобилизационную мощь на фоне президентского разрешения конфликта сторон. В результате движение пошло на спад, на угасающей волне был создан Байкальский народный фронт. Но это уже другая история.

Наблюдались попытки наиболее последовательных критиков режима обратить внимание общественности на то, что верховная власть таким своим решением, перечеркивающим решения всех прочих правительствен-

ных инстанций, одобривших проект трубопровода, подвергает сомнению собственную легитимность. Она якобы тем самым демонстрирует собственную авторитарность, утверждает практику, когда все определяет решение одного человека, одной, высшей инстанции. Но все это не возымело ожидаемого эффекта. Да и логика этих критиков режима была не безупречна. Развернутая ими интерпретация хорошо соответствует западной политической культуре, точнее, нашим представлениям об этой культуре и соответствующем политическом процессе. Но все это не исключает другой, альтернативной интерпретации действий власти.

Позволю себе процитировать Ю.Пивоварова, размышляющего о традиции русской власти: "19-26 июля 1905 г. в Петергофе прошло совещание высшей русской бюрократии (под председательством Николая II), где обсуждались вопросы о том, какой должна быть предполагаемая Государственная Дума... Один из активных участников петергофского 'сидения' Н.Герард (председатель департамента гражданских и духовных дел Госсовета) предельно точно выразил господствовавшее в русских верхах представление о Русской Власти и русском government: 'Самодержавная власть составляет сосредоточение и источник всей власти и потому не поддается определению. Все исходит от нее и в ней сосредоточено. Но... Самодержавная власть не может действовать непосредственно, а имеет исполнительные органы в области законодательства, администрации и суда... При этом мы всячески избегали дать какое бы то ни было определение Верховной власти, ибо она, будучи всеобъемлющей, никакому определению не поддается'" [Пивоваров 2006: 17]*. В рамках такой логики современное российское президентство — это не просто одна из структур власти, это, скорее, тот самый источник любой власти, который не поддается никакому определению. Конечно, есть Конституция РФ, есть четко прописанные права и обязанности президента и т.п. Но есть и политическая культура современного российского общества, где финальный президентский властный аккорд воспринимается как вполне легитимный, справедливый и, более того, рациональный, - если не президент, то кто же еще? И в таком случае этот традиционалистский жест власти не расшатывает ее, а, наоборот, укрепляет - опять же в традиционалистском смысле, демонстрируя отказ от создания каких-либо институтов для разрешения подобных споров в будущем. Точнее, не сохраняет и не укрепляет, а консервирует, подтверждает статус-кво.

В заключение еще раз сформулирую основные выводы. Байкальское экологическое движение первой половины 2006 г. можно рассматривать как значимое подтверждение перехода от прежнего элитного характера политического процесса, доминировавшего в регионе в 1990-е годы, к массовому. В политику возвращается призрак "общей воли". Власть проявляет заинтересованность в поддержке "народа", в опоре на идею "общей воли", но именно как абстрактной, лишенной конкретного наполнения сущности, которой легко манипулировать и которую легко видоизменять. Сложные элитные "разборки" никуда не исчезают, они просто уходят в тень, полностью пре-

* Расширяя эту интересную тему, можно указать на исследование истории развития "мнимого конституционализма" А.Н.Медушевским [Медушевский 1998: 201—206].

вращаясь в неформальные отношения. Ведь, как мы знаем, при Ельцине так и не были созданы эффективно работающие институты, позволяющие как разрешать внутриэлитные конфликты интересов, так и обеспечивать представительство интересов социальных групп. В Иркутском регионе возвращение призрака "общей воли" произошло в условиях инициированного властью изменения политического режима и носило спонтанный характер. Возникшее движение отличалось ориентацией на активизм и региональный патриотизм, но не на проявление толерантности и "цивильное™". Власть смогла разрешить проблемную ситуацию, однако не на путях институционализации конфликта, а следуя российской политической традиции. И именно такое решение, а также соответствующий механизм его принятия оказались востребованными и обществом, и бизнесом, и региональными властями.

Выстраиваемый таким образом политический процесс: власть как арбитр и медиатор конфликтного взаимодействия отдельных фрагментов общества - не помогает избегать острых политических кризисов, порождаемых логикой демократии участия. Более того, такая практика культивирует традиционалистское отношение к власти, а вместе с тем препятствует выработке рациональных процедур контроля над властью, участия в ней, давления на нее через работающие общественные и политические институты.

Гельман В. 2000. Сравнительная перспектива: региональная политическая динамика. — *Россия регионов: трансформация политических режимов.* М.

Козлов Д. В. 2000. Современное социально-экономическое развитие России как методологическая проблема (региональный аспект). — *Проблемы политической трансформации и модернизации России.* М.

Луман Н. 1991. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного мира. — *Социо -логос.*

Медушевский А.Н. 1998. *Демократия и авторитаризм:российский конституционализм в сравнительной перспективе.* М.

Олейник А.Н. 2001. *Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти.* М.

Патнэм Р. 1996. *Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии.* М.

Пивоваров Ю. 2006. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита. — *Полис,* № 1.

Поляков Л.В. 2004. *Основы политического консультирования.* М.

Роуз Р. 1998. Россия как общество песочных часов: Конституция без граждан. - *Конституционное право: Восточноевропейское обозрение,* № 2 (23).

Фукуяма Ф. 2004. Социальный капитал. — *Культура имеет значение.* М.

Хлопин А.Д. 2002. Гражданское общество или социум клик: российская дилемма. — *Российская полития на рубеже веков.* М.

Coleman J.S. 1988. Social Capital in the Creation of Human Capital. — *American Journal of Sociology,* № 94.

Mouritsen P. 2003. What's the Civil in Civil Society? Robert Putnam, Italy and the Republican Tradition. — *Political Studies,* Vol. 51.